

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У С. СТАРАЯ КАТЕРИНОВКА НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕПРА

СЕРГЕЙ Н. РАЗУМОВ* – МАРИНА Н. ДАРАГАН** – СЕРГЕЙ В. ПОЛИН**

Absztrakt: A cikk a 2007-ben a sztaraja katyerinovkai 32. szkíta kurgánban (Nyikopol járás, Dnyepropetrovszk megye) feltárt kettős temetkezéssel foglalkozik. A közös sírgödörben nyugvó két harcos férfi (apa és fia) gazdag mellékletekkel együtt került eltemetésre. A 9. század végére tehető temetkezés jellemzői – egyszerű sírgödörben, háton fekvő helyzetben, nyugat–keleti tájolással eltemetett halottak – alapján az ún. Szubbotyici-horizontba sorolható. A Dnyeper alsó folyásának jobb partján elhelyezkedő Sztaraja Katyerinovka 32. kurgánjának 1. sírja azon kevés számú lelőhely közé tartozik a Fekete-tenger északi előterében, melyeket azon korai ugor-magyar törzsek helyi hagyatékának tarthatunk, akik a Dél-Urálból a Kárpát-medence területére vándoroltak a 9. század második felében.

Kulcsszavak: Szubbotyici-horizont, kettős temetkezés, magyar őstörténet

Район Нижнего Поднепровья на сегодняшний день является одним из наиболее полно обследованных стационарными раскопками. В микрорегионе междуречья рек Базавлук, Солёная и Чертомлык проведены сплошные исследования курганов всех эпох (рис. 1. 1). Начиная с 1964 г., в этом регионе работает Орджоникидзевская экспедиция Института археологии НАН Украины. В результате постоянных раскопок в период с 1964 по 2007 г. здесь исследовано 247 курганов (из 470 выявленных), сооружённых в различное время от энеолита до средневековья (рис. 1. 2). На сегодняшний день это самая значительная выборка исследованных курганов в рамках чётко очерченной территории не только для степи Северного Причерноморья, но, пожалуй, и для всего пояса степей от Дуная на западе до Урала на востоке. Отметим, что в исследованных курганах

было всего 15 погребений средневековых кочевников (преимущественно половцев).¹

Погребение 1, впущенное в скифский курган 32 у села Старая Катериновка (Никопольский район, Днепропетровская область Украины), оказалось единственным ранне-средневековым комплексом в микрорегионе. Высота кургана составляла около 2 м, диаметр около 30 м. Он был самым крупным в группе из трёх скифских курганов IV в. до н.э. Располагался на краю межбалочного водораздела в точке с самой большой высотной отметкой для данной местности. Большая часть кургана не распаивалась. Насыпь имела вид усеченного конуса. Вершина кургана разрушена вследствие установки триангуляционного знака, а также грабительских раскопок (рис. 2. 3–4). На поверхности встречались многочисленные камни от крепиды.

* Научно-исследовательская лаборатория «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, MD-3300 Тирасполь, ул. 25 Октября 107. razum_22@rambler.ru

** Институт археологии Национальной Академии наук Украины, 04210 Киев, проспект Героев Сталинграда 12. darmar@ukr.net; polin-archeo@ukr.net

¹ ЧЕРНЫХ–ДАРАГАН 2014, 378.

Курган содержал четыре погребения: № 1 – раннесредневековое, №№ 2–4 – скифские (IV в. до н.э.).

Целью данной публикации является введение в научный оборот материалов раннесредневекового погребения 1.

Захоронение было впущено в насыпь скифского кургана в 7 м к востоку от условного центра кургана. Контуры ямы размерами ориентировочно 2 × 1 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности, прослежены приблизительно, по остаткам тлена от подстилки, расположению погребённых и инвентаря. Остатки перекрытия не зафиксированы. В яме находились два скелета взрослых мужчин (по заключению антрополога к.и.н. А. Д. Козак, костяки принадлежали, вероятно, отцу и сыну).²

Костяк 1 (мужчина, 40–50 лет, рост 163,5–169,1 см) находился справа, вдоль южной стенки ямы. Погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на запад–северо-запад, руки вытянуты вдоль тела, ноги слегка сведены в коленях, берцовые кости параллельны. Справа вдоль тела, частично перекрывая кости правой руки, располагалось железное рубящее оружие – вероятно, слабоизогнутая сабля. Эфес (частично нарушен бульдозером) находился на правом локте погребённого, наконечник ножен (бутероль) – ниже правого колена. От эфеса оружия до левой руки выше таза зафиксирована цепочка из 22 бляшек из золотой фольги, условно названная нами «поясной набор 1» (рис. 10). Еще одна такая бляшка, вероятно, смещённая грызунами, найдена в районе правой кисти костяка 1. Учитывая тот факт, что бляшки зафиксированы и под позвоночником, их положение свидетельствует о наличии кожаного пояса или перевязи для ношения сабли. Бляшки из очень тонкой (около 0,02–0,03 мм толщиной) золотой фольги были нашиты, скорее всего, не непосредственно на ремень. Они могли иметь основу из кусочков дерева, кожи или войлока, что создавало бы иллюзию их массивности.

Между правым крылом таза и клинком находился железный нож с остатками деревянной рукояти, черешком к ступню м погребённого. Поверх сабли обнаружен кресальный

кремь, еще два кремня и фрагмент железного изделия, которое могло быть кресалом, смещены. Ниже крестца, между бедренными костями, лежала изогнутая костяная пластина – накладка для сложного лука (ещё одна накладка находилась у правой бедренной кости костяка 2, а две были найдены в перемещённом состоянии) (рис. 4. 1–4). На крестце, между бедренными костями, на левой бедренной кости и левее ее находилось скопление из девяти металлических изделий – «поясной набор 2» (рис. 3). В 20 см левее вдоль левой бедренной и берцовых костей находилась цепочка из шести серебряных изделий – «поясной набор 3» (рис. 8).

Костяк 2 (мужчина 17–20 лет, рост 163,5–169,3 см) находился левее костяка 1, вдоль северной стенки ямы. Погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на запад–северо-запад, правая рука согнута в локте, кисть, уложенная ладонью вниз, находилась поверх крестца, левая рука не сохранилась (судя по фалангам пальцев в районе левого тазобедренного сустава, она была вытянута вдоль тела), кости ног параллельны. На левой бедренной кости следы незажившей травмы, нанесённой рубящим оружием, что указывает на гибель молодого мужчины в бою. Под тазом и грудной клеткой зафиксированы остатки органической подстилки в виде древесного тлена, возможно, от коры (бересты?). На ней местами сохранилась тёмно-зелёная окраска.

Правее правой бедренной кости находилась изогнутая костяная пластина – накладка сложного лука. В районе правого локтя, под правыми локтевой и лучевой костями, под поясничными позвонками костяка 2 находилось скопление из 11 серебряных бляшек – «поясной набор 4» (рис. 9). Ниже крестца между бедренными костями располагались фрагменты трёх железных черешковых наконечников стрел. Восточнее обнаружены остатки деревянных прутиков – древков стрел (диаметром около 0,5 см). Аналогичные остатки зафиксированы у левой пяточной кости. Между бедренными костями и поверх правой бедренной кости костяка 2 находилось скопление из девяти металлических изделий – «поясной набор

² Антропологические определения Козак 2017.

5» (рис. 7). К этому набору мы также отнесли серебряную пряжку, обнаруженную между стопами погребённого (возможно, смещённую грызунами), совершенно идентичную пряжке,

находившейся поверх его правой бедренной кости. Правее правой стопы костяка 2 зафиксировано скопление мелких древесных угольков диаметром около 15 см (рис. 2. 1).

ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ 1

1. Железное рубящее оружие – *сабля* (?). Общая длина сохранившейся части (эфес поврежден) 85 см, максимальная ширина 5 см (рис. 2. 1–2). В перемещённом состоянии найдены фрагменты железного брусковидного навершия рукояти (реконструируемые размеры 3,5 × 2 × 1,5 см) с накладками из полосок серебряной фольги (рис. 5. 3, 7). Общая длина рукояти могла составлять более 10 см. *In situ* сохранился железный наконечник ножен (бутероль) трапезиевидной формы, большее основание 4 см, меньшее 3 см, боковые стороны 3 см, толщина около 2 см. Зафиксированы остатки обкладки бутероли в виде полосок из серебряной фольги (рис. 5. 5, 9). Клинок распался после расчистки.
2. *Нож* (?) железный с черешком (рис. 4. 5). Ромбовидный с максимальным расширением в нижней трети, сечение клинка ромбовидное, сечение черешка подпрямоугольное. Общая длина 8 см, сохранившаяся длина черешка 3 см, ширина 0,3 см, максимальная ширина клинка 2 см.
3. Кресальные *кремни* (рис. 5. 11–12) – три массивных отщепы с забитостью по периметру, образовавшейся в процессе высекаания огня. Размеры 3 × 2,8, 3 × 2,5, 2,5 × 1,5 см. Рядом найден фрагмент изогнутого железного прута длиной 4,5 см, диаметр сечения 0,5 см, возможно, часть калачевидного кресала (рис. 5. 2). Первоначально кремни и кресало могли находиться в мешочке в районе правого крыла таза костяка 1.
4. *Костяная пластина* – боковая накладка на лук, одна длинная сторона слабо вогнута, вторая выпуклая, концы закруглены. Размеры 15 × 2 × 0,5 см (рис. 4. 1).
5. «Поясной набор 1»: 23 нашивные *бляшки* из золотой фольги. 15 экземпляров вытянуто-прямоугольной формы, одна узкая сторона прямоугольника закруглена, вторая прямая, по углам четыре отверстия диаметром 0,1–0,05 см. Размеры 1,5–2 × 1–1,5 см (рис. 10. 4–13). Два экземпляра округлых очертаний, без отверстий, диаметром около 1,7 см (рис. 10. 17–18). Три экземпляра в виде сегмента окружности, по периметру по 6 отверстий диаметром 0,1–0,05 мм (рис. 10. 2–3). Размеры 2 × 1,5 см. Три экземпляра в виде сегмента окружности, по периметру по шесть отверстий диаметром 0,1–0,05 см, в центре прямоугольное отверстие 0,8 × 0,3, 0,6 × 0,3, 0,7 × 0,4 см (рис. 10. 14–16). Размеры 2 × 1,5 см.
6. «Поясной набор 2»: а) Семь серебряных литых *поясных бляшек* фигурной пятиугольной формы с врезным орнаментом в виде стилизованного трилистника (рис. 3. 5–8). Ближе к прямому основанию бляшек находится фигурное пятиугольное отверстие размерами 1,2 × 0,7 см. Общие размеры бляшек 2,5 × 2 см. С обратной стороны каждой бляшки по 3 штифта (длина 0,3 см), на некоторых сохранились бронзовые заклепки в виде дисков диаметром 0,2–0,3 см. б) Бронзовая *обойма* в виде прямоугольной пластины, концы которой согнуты к середине и отогнуты наружу (рис. 3. 9). Орнамент отсутствует. Размеры 2,7 × 1,5 × 0,2 см. в) Бронзовая *пряжка* (рис. 4. 7). В основе полукруг радиусом 1,2 см с внутренним полукруглым отверстием радиусом 0,6 см. С наружной стороны хорды полуокружности по краям два лунницеобразных выступа, выгнутых наружу, размерами 1,6 × 0,7 см. Между ними подтреугольный выступ – язычок для застегивания ремня, представляющий собой одно целое с пряжкой, длиной 0,4 см. С обратной стороны три штифта.
7. «Поясной набор 3»: а) Четыре серебряные литые *поясные бляшки* удлинённо-сердцевидной формы (рис. 8. 2–5). По краям, образуя бортик вокруг гладкой подтреугольной центральной части, орнамент в виде двух ветвей растения с направленными наружу четырьмя волнообразными отростками на каждой ветви. Ветви заканчиваются вершинами с трехлепестковыми «цветками», между ними вогнутое углубление размерами 1 × 0,5 см. Размеры бляшек 2,7 × 1,6 см. С обратной стороны по три штифта. б) Серебряная *поясная пряжка* с подвижным щитком (рис. 8. 7). Щиток литой пятиугольный. По краю бортик из 20 полукруглых выступов, внутри пояска, заполненный волнистым орнаментом, в центральной части щитка «виньетка», пространство внутри ее и между витками заполнено полусферическими выступами («виноградная гроздь»). Размеры щитка 2,6 × 1,8 см, с обратной стороны три штифта. К щитку на шарнире прикреплена собственно пряжка овальной формы размерами 2,4 × 1,2 × 0,5 см. На том же шарнире прикре-

- плен язычок, изготовленный из пластины желтого металла (бронза или латунь), размерами $1,8 \times 0,3$ см. С наружной стороны язычок украшен поперечными нарезками. Стержень, скрепляющий щиток, пряжку и язычок, изготовлен из аналогичного металла. в) *Наконечник ремня* литой серебряный (рис. 8. б), в форме вытянутого прямоугольника, одна короткая сторона закруглена, вторая имеет фигурное подтреугольное углубление глубиной 0,2 см. По краю бортик шириной 0,3 см из 20 полукруглых выступов, центральная часть гладкая. Размеры $4,1 \times 2$ см.
8. *Костяная пластина* – боковая накладка на лук (рис. 4. 1), одна длинная сторона слабо вогнута, вторая выпуклая, концы закруглены. Размеры $13 \times 2,4 \times 0,5$ см.
9. «Поясной набор 4» (костяк 2): а) Три серебряные с позолотой литые *поясные бляшки* (рис. 9. 2–4) – подпрямоугольные с закруглением в верхней части. На бляшках антропоморфное изображение – человек вполборота влево, ноги широко расставлены. Левая отведенная от корпуса рука держит ниже перекрестья предмет, возможно, изображающий рубящее оружие (саблю?), правая рука у «рукояти оружия». В нижней части бляшки, над прямым основанием, прямоугольное отверстие $1,1 \times 0,5$ см. Размеры бляшек $2,5 \times 2,1$ см. С обратной стороны по четыре штифта. б) Три серебряные с позолотой литые *поясные бляшки* (рис. 9. 5–7) – овальной формы, в нижней части ушко (диаметр 0,7 см), в него проде-то фигурное серебряное кольцо (диаметр 1,8 см, диаметр сечения 0,2 см). На бляшках антропоморфное изображение – человек анфас, сидящий со скрещенными ногами. В левой руке держит горизонтально сложный лук тетивой вверх, в правой, очевидно, стрелу. В нижней части изображения справа и слева от человека по «цветку» с лепестками, каждый обрамлен парой листьев. По периметру бляшек бортик, состоящий из чередующихся окружностей и овалов. Диаметр бляшек около 2,4 см. С обратной стороны по три штифта. в) Пять серебряных с позолотой литых *поясных бляшек* (рис. 9. 8–12) – сердцевидной формы заостренным концом книзу. На бляшках антропоморфное изображение – человек вполборота влево, стоящий на левом колене, в поднятой к плечу левой кисти, возможно, изображен лук, в поднятой к плечу правой кисти – стрела. Над плечами человека фигурные изображения – предположительно, «крылья» либо «языки пламени». По периметру бляшек бортик, состоящий из чередующихся окружностей и овалов. Размеры бляшек – $2,4 \times 2$ см. С обратной стороны по три штифта.
10. *Наконечники* стрел железные черешковые (фрагментированы) (рис. 4. б), три экземпляра. Ромбовидные с максимальным расширением в нижней трети, длина до 7 см, максимальная ширина до 2 см.
11. «Поясной набор 5»: а) Серебряная с позолотой литая *поясная бляшка* (рис. 7. 3) – подпрямоугольной формы с закруглением в верхней части. На бляшке зооморфное изображение – лежащий хищник – волк либо лев (несколькими завитками, возможно, передана грива) в профиль, обращенный влево. По периметру бляшки бортик, состоящий из чередующихся окружностей и овалов. Внизу прямоугольное отверстие размерами $1,2 \times 0,4$ см. Размеры бляшки $2,1 \times 1,7$ см. С обратной стороны три штифта. б) Четыре серебряные с позолотой литые *поясные бляшки* круглой формы, в нижней части ушко (диаметр 0,5 см) (рис. 7. 6–9). На бляшках зооморфное изображение – крупная птица (дрофа?) в профиль, обращенная влево. По периметру бляшек бортик, состоящий из чередующихся окружностей и овалов. Диаметр бляшек около 1,8 см. С обратной стороны по три штифта. в) *Поясная пряжка* бронзовая, цельнолитая (рис. 7. 5). Рамка пряжки, предположительно, овальной формы (повреждена бульдозером), размерами $2,7 \times 2$ см. К ней прикреплен подвижный язычок подтреугольной формы размерами $1,8 \times 0,6$ см. Рамка для крепления ремня подпрямоугольной формы, размерами $2,4 \times 0,9$ см. г) Две *поясные пряжки* серебряные, цельнолитые (рис. 7. 4). Рамки пряжек трапецевидной формы с закругленными углами, размерами $1,7 \times 1,2$ см. К узкому основанию рамок прикреплены бронзовые подвижные язычки размерами $0,7 \times 0,2$ см. Рамки для крепления ремня овальной формы, размерами $1,2 \times 1$ см. д) Два *наконечника* ремней серебряных (рис. 7. 2) – прямоугольной формы с полукруглым окончанием. Орнамент отсутствует. Размеры $1,8 \times 0,8$ см. С обратной стороны по два штифта.
12. Гончарный *плоскодонный сосуд* (кувшин?) – частично разрушен (рис. 5. 1). Сохранилась придонная часть сосуда, диаметр дна 10,5 см. Обжиг неравномерный, в тесте присутствуют примеси органики и шамота. Внешняя поверхность заглажена, покрыта расчёсами, внутренняя тщательно заглажена. Верхняя часть сосуда не сохранилась.

Среди особенностей погребального обряда публикуемого комплекса прежде всего отметим весьма небольшую глубину захоронения, которое было совершено фактически под дёрном. В среднем глубина дна ямы от поверхности полы кургана составляла всего 35–40 см. Восточная пола скифского кургана 32, в который было впущено погребение 1, не подвергалась распашке, а также не была нарушена грабительскими ямами и перекопами XX века. Следовательно, глубина ямы на момент раскопок примерно соответствовала первоначальной. О том, что двое мужчин были захоронены в неглубокой яме под дёрном, свидетельствует и уклон дна могилы с запада на восток (от черепов к ступням), совпадающий с уклоном насыпи. Возможно, выбор для размещения могилы именно восточной полы кургана мог объясняться стремлением соблюсти обрядовые нормы (ориентация головами в западном направлении) при невозможности (нехватке времени?) подготовить соответствующее социальному статусу покойников погребальное сооружение.

Отметим, что глубины весьма схожих по обряду и инвентарю погребений – № 2 грунтового могильника Субботцы в бассейне Ингула³ и № 18 кургана 1 у г. Слободзея на Нижнем Днестре⁴ составляли, соответственно, 0,9 м в материке (1,35 м от современной поверхности) и 0,35 м в материке (1,55 м от вершины кургана). Таким образом, незначительная глубина ямы, контрастирующая с относительно богатым инвентарём, свидетельствует об экстраординарных обстоятельствах, сопровождавших захоронение двух мужчин-воинов, вероятно, находившихся в близком родстве и погибших одновременно.

Контур ямы по причине малой глубины не прослежены. По положению костяков, инвентаря и подстилки можно лишь предполагать, что она была подпрямоугольной, размерами не менее 2 × 1 м. Наличие какого-либо перекрытия, а также заплечиков, представляется крайне маловероятным. Под костяком 2 прослежены остатки подстилки в виде окра-

шенного в тёмно-зелёный цвет слоя древесного тлена (коры?). По предположению А. В. Комара, это могла быть часть кузова повозки, использованного в качестве погребального ложа⁵. Мы считаем, что незначительная толщина тлена от подстилки не подтверждает эту версию. У стоп того же костяка зафиксировано скопление мелких древесных угольков. Кости животных в могиле не обнаружены.

Погребальный инвентарь сохранился частично. В результате работы тяжёлой землеройной техники была нарушена западная часть захоронения: смещены черепа, стоявший между ними гончарный сосуд (кувшин?), плечевые кости, эфес рубящего оружия, железное кресало (?), две из четырёх костяных накладок на лук, повреждена бронзовая пряжка (рис. 2. 1–2). В то же время, благодаря уклону дна ямы к ногам погребённых, большинство деталей поясных наборов, видимо, сохранилось *in situ*, лишь отдельные предметы могли быть смещены животными и корнями растений.

Исходя из положения предметов вооружения и деталей поясных наборов, отметим следующее. Старший мужчина (костяк 1) был захоронен с рубящим оружием (слабоизогнутой саблей?), находившимся, очевидно, в кожаных ножнах, поверх правой руки. Ножны крепились к поясу, украшенному 23 нашивными бляшками из золотой фольги. Справа к поясу были подвешены железный нож с деревянной рукоятью и железное кресало (калачевидное?) с тремя кремнёвыми отщепами для высекания огня (очевидно, в кожаном мешочке). О наличии сложного лука либо его фрагментов свидетельствует боковая костяная накладка, обнаруженная между бедренных костей. Вторая аналогичная накладка, вероятно, изначально находившаяся в районе грудной клетки, была смещена. Таким образом, лук мог быть уложен поверх и вдоль тела старшего мужчины. В таком случае, два скопления металлических изделий в районе тазобедренных суставов («набор 2») и левее левого колена («набор 3») можно интерпретировать как остатки ремня или двух ремней, к которым

³ Бокий–Плетнёва 1976, 103.

⁴ ЩербакOVA ET AL. 2008, 24.

⁵ Комар 2011, 62.

крепилось налучье с луком. Соответственно, данный ремень вместе с налучьем был положен поверх и левее тела, а не надет на него.

Младший мужчина (костяк 2) был, в отличие от старшего, уложен на подстилку в виде тонкого слоя окрашенной в зелёный цвет древесины, зафиксированной под грудной клеткой и тазом. О наличии лука и колчана могут свидетельствовать две костяные боковые накладки и фрагменты не менее трёх железных ромбовидных черешковых наконечников стрел с остатками древков. Лук в налучье и колчан со стрелами, вероятно, также были уложены поверх и вдоль тела молодого мужчины. Судя по остаткам древков, зафиксированных у левой пяточной кости костяка 2, можно предположить, что общая длина стрел и колчана могла составлять не менее 75–80 см. Соответственно, налучье и колчан могли крепиться на поясе (или поясах, учитывая наличие как минимум двух пряжек и двух наконечников ремней), остатками которого (которых) является «поясной набор 5». Впрочем, одна из пряжек и один из наконечников ремней могут относиться к «поясному набору 4». Размещение бляшек в этом наборе свидетельствует о том, что ещё один пояс был, вероятно, надет на молодого мужчину (костяк 2). Отсутствие стрел рядом с костяком 1 и сабли у костяка 2, при наличии двух луков и не менее четырёх богато украшенных поясов на двоих, также подтверждает версию об экстраординарных обстоятельствах их захоронения. Следует отметить, что ношение сразу двух поясов – одного для колчана, второго для меча или сабли – археологически зафиксировано для знати аваров Подунавья, а также для тюрков Центральной Азии VI–X вв.⁶ При этом количество и материал бляшек таких наборных поясов указывали на ранг воина, являясь своеобразными знаками воинского отличия.⁷

Относительно этнокультурной атрибуции и датировки воинского погребения 1 кургана 32 у села Старая Катериновка отметим следующее. Погребальный обряд публикуемого захоронения (впускное в кургане, простая мо-

гильная яма, вытянутое на спине положение костяков, северо-западная ориентировка) имеет прямые параллели в ряде раннесредневековых погребальных комплексов кочевого населения европейских степей от Южного Урала до Карпатской котловины.⁸ Отсутствие в погребении Старая Катериновка 32/1 костей коня, характерных для подобных комплексов, может объясняться экстраординарными обстоятельствами совершения захоронения.

Инвентарь, в первую очередь поясные наборы, в целом может быть соотнесен с кочевническими древностями евразийских степей VIII–IX вв. Однако на публикуемых изделиях присутствуют особенности, характерные, по мнению ряда исследователей, именно для протомадьяр. А. В. Комар объединяет подобные погребальные комплексы в «тип Субботцы» (у одноимённого села в Кировоградской области Украины был раскопан небольшой раннесредневековый грунтовый могильник), и отождествляет оставившее их население с древними мадьярами периода Этелькеза.⁹ Исследователь насчитывает всего 32 погребения данного типа, разбросанные на обширных пространствах от Дона до Днестра, преимущественно на границе лесостепной и степной природных зон (при этом почти половина – 14 комплексов – исследованы в составе одного могильника в кургане 1 у г. Слободзея на левобережье Нижнего Днестра). А. В. Комар датирует памятники субботцевского типа (в том числе и погребение 1 кургана 32 у с. Старая Катериновка) преимущественно второй половиной IX века (по письменным источникам это 836–895 гг.). Отметим, что публикуемое погребение имеет калиброванную дату 14C, указывающую именно на конец IX в. (*рис. 6*).¹⁰

Подавляющее большинство сохранившихся погребений субботцевского типа по обряду сходно с комплексом Старая Катериновка 32/1 – в простых ямах, вытянуто на спине, с западной ориентацией, в инвентаре сабли, срединные костяные накладки сложных луков, плоские ромбовидные наконечники стрел, по-

⁶ Могильников 1981, 38.

⁷ Плетнёва 1981, 74.

⁸ Иванов 1999, 74–81; Комар 2011, 52–63.

⁹ Комар 2011, 21–78.

¹⁰ Türk 2010, 5. kép.

ясные наборы с «узелковым» бордюром и «мифологическими» сюжетами. Обрядность и специфика вещевого комплекса памятников субботцевского типа, сближающие их как с кушнаренковской и каракуяповской культурами Южного Урала и Волго-Уральского междуречья, так и с могильниками Венгрии X в., подробно рассмотрены в упомянутой работе А. В. Комара.¹¹ Мы ограничимся здесь только несколькими замечаниями.

Несомненно, «мифологические» сюжеты на поясных бляшках из публикуемого комплекса наиболее близки сюжетам на бляшках и щитке пряжки из погребения 2 могильника Субботцы в бассейне Ингула,¹² причём весьма сходны также техника изготовления, форма металлических изделий, «узелковый» бордюр. Лунницевидные серебряные бляшки с растительным орнаментом («набор 3») (рис. 8. 2–5) полностью аналогичны нижним частям двух поясных бляшек из разрушенного курганного погребения субботцевского типа у с. Новониколаевка Днепропетровской области.¹³ Аналогии целому ряду бляшек с «мифологическими» и зооморфными изображениями известны и на памятниках Южного Приуралья, в частности,

на могильниках Больше-Тиганский¹⁴ и Уелга,¹⁵ а также в аланских погребениях салтово-маяцкой культуры.¹⁶ Многие черты погребений субботцевского типа находят продолжение в культуре венгров Карпатской котловины X в.¹⁷

Таким образом, особенности обряда и инвентаря захоронения 1 кургана 32 у с. Старая Катериновка на правом берегу Нижнего Днепра свидетельствуют о его принадлежности к немногочисленной группе погребальных памятников Северного Причерноморья, оставленной кочевым угорским населением в процессе его продвижения с Южного Урала на территорию современной Венгрии во второй половине IX века. В данном случае в одной могиле были погребены с оружием два знатных воина (по заключению антрополога – отец и сын), очевидно, погибших в одном бою. Их высокий социальный статус подтверждается богатством и разнообразием изготовленных из драгоценных металлов поясных наборов. В то же время ряд признаков указывает на поспешность совершения данного захоронения. Видимо, мы имеем дело со следами драматических событий, сопровождавших переселение кочевых племён протомадьяр на Запад.

Библиография

- Бокий–Плетнёва 1988: Бокий, Н. М. – Плетнёва, С. А.: Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула. *Советская археология* 1988:2 (1988) 99–116.
- Боталов 2012: Боталов, С. Г.: Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria». *Вестник Челябинского государственного университета* 11 (2012) 128–146.
- Черных–Дараган 2014: Черных, Л. А. – Дараган, М. Н.: *Курганы эпохи неолита-бронзы междуречья рек Базавлук, Солёная, Чертомлык*. Киев 2014.
- Халикова 1976: Халикова, Е. А.: Больше-тиганский могильник. *Советская археология* 1976:2 (1976) 158–178.
- Иванов 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- Козак 2017: Козак, А. Д.: Следы болезней и физической активности на скелетах из парного погребения IX в. (с. Старая Катериновка, Днепропетровская обл., Украина). In: *Hadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája, Esztergom 2014. november 4–6. – Conference of young scholars on the Migration*

¹¹ Комар 2011.

¹² Бокий–Плетнёва 1988, рис. 5–6.

¹³ Комар 2011, рис. 3. 1, 7.

¹⁴ Халикова 1976, рис. 4. 6–12.

¹⁵ Боталов 2012, рис. 7–9.

¹⁶ Плетнёва 1981, 74; Комар 2011, рис. 13.

¹⁷ Комар 2011, 68.

- Period, Esztergom, November 4–6, 2014.* Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia. Archaeological Studies of PPCU Department of Archaeology – A PPKE BTK Régészeti Tanszékének kiadványai 3.2. – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. Főszerk.: Türk A., szerk.: Balogh Cs. – Major B. Budapest–Esztergom 2017, 355–368.
- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. In: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*. Ред.: Толочко, П. П. et al. Киев 2011, 21–78.
- МОГИЛЬНИКОВ 1981: Могильников, В. А.: Тюрки. Сибирские древности VI–X вв. In: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР*. Ред.: Плетнёва, С. А. Москва 1981, 29–43.
- ПЛЕТНЁВА 1981: Плетнёва, С. А.: Салтовомая культура. In: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР*. Ред.: Плетнёва, С. А. Москва 1981, 62–75.
- ЩЕРБАКОВА ET AL. 2008: Щербакова, Т. А. – Тащи, Е. Ф. – Тельнов, Н. П.: *Кочевнические древности Нижнего Поднепровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)*. Кишинёв 2008.
- TÜRK 2010: Türk A.: A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In: *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5.)*. Szerk.: G. Tóth P. – Szabó P. Szeged 2010, 261–306.

KORA KÖZÉPKORI FEGYVERES TEMETKEZÉSEK SZTARAJA KATYERINOVKÁNÁL, A DNYEPER ALSÓ FOLYÁSÁNAK JOBB PARTJÁN

Az Ukrán Nemzeti Akadémia Régészeti Intézetének ordzsonikidzei expedíciója 2007-ben tárta fel a sztaraia katyerinovkai 32. szkíta kurgánt (Nyikopol járás, Dnyepropetrovszk megye), melyben egy egyedülálló kora középkori kettős temetkezést figyeltek meg. Jelen dolgozat célja e temetkezés leleteinek bemutatása.

A sírgödör csekély mélysége éles ellentétben állt a feltárt leletanyag gazdagságával. A különleges sírban két harcos férfi (az 1. váz 40–50 éves, a 2. váz 16–20 éves) temetkezése került elő, akik Alekszandra D. Kozak antropológus meghatározása szerint közeli rokoni kapcsolatban álltak egymással (apa és fia).

A sírgödört ugyan nem tudták megfigyelni, de a csontok, a mellékletek és a vázak alatti, halotti kerevetre emlékeztető betöltés alapján téglalap alakú lehetett. A sír nyugati oldala bolygatott volt: a koponyák és a közöttük elhelyezkedő korongolt kerámia (korsó?) eredeti helyzetéből kimozdítva került elő. Részleges bolygatás érte a vállak környékét, másodlagos helyzetben került elő a vágófegyver, a csiholó (?), valamint a négy íjcsontból kettő és az egyik töredékes bronzcsat. Az övveretek nagyobb része azonban *in situ* helyzetben maradt.

Az idősebb férfit (1. váz) szablyájával együtt temették el, amely bőrrel fedett hüvelyben a jobb karja mellett került elő. A szablya az övre volt függesztve, melyet összesen 23 db aranylemezből kialakított, felvarrt veret díszített. A váz jobb oldalán, az öv alatt került elő a vaskés, a csiholó és három kovakő, melyeket egykor feltehetően tarsolyban tároltak. Az összetett reflexíj sírba tételéről két íj markolatlemez tanúskodik. Veretek kerültek elő a csípőízület környékén (2. veretcsoport) és a bal térdtől balra (3. veretcsoport), ezek valószínűleg egy vagy két szíjhoz tartozhattak, melyek az íjászfelszerelést rögzítették.

A fiatalabbik férfit (2. váz) halotti kerevetre fektették, melyre egy vékony, zöld színű, feltehetően fától származó réteg utalt. Íj és tegez jelenlétére utalt két íj markolatlemez, valamint három rombusz alakú tuskés nyílhegy, melyeken a nyílvezzőből származó faanyag egy része is megmaradt. Az íj- és a nyíltegez a férfi teste mellett, hosszában került elő. Ezek feltehetően az övre, esetleg övekre voltak rögzítve, melyeket az 5. veretcsoport díszített. Még további öv maradványai kerültek elő a fiatalabb férfi sírjában (4. veretcsoport), melyet viseleti helyzetben, a derék körül tártak fel.

A Szubbotyici-horizont temetkezési szokásaival mutat rokonságot a sztaraia katyerinovkai 32. kurgán 1. sírja: egyszerű sírgödörben, háton fekvő helyzetben, nyugat–keleti tájolással eltemetett halottak. A Szubbotyici-horizontból 32 hasonló temetkezés ismert a Dontól a Dnyeszterig terjedő sztyeppen. Időrendjük a 9. század második felére tehető, s a cikkben bemutatott sírok ¹⁴C kormeghatározása is a 9.

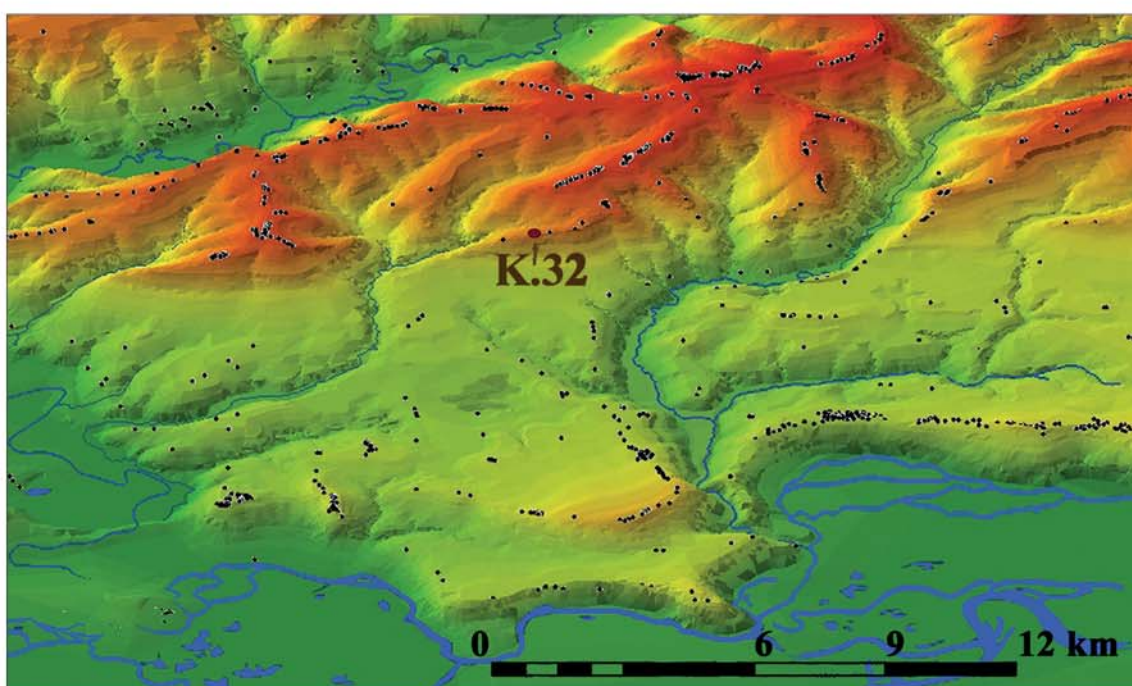
század végére utal. A mellékletek között szablya, íj markolatcsontok, lapos, kétélű, rombusz alakú nyílhegyek találhatóak, míg az övveretek peremén pálcátagos szegélyminta (ún. magyar bordúr) fut végig és a vereteken gyakoriak a mitologikus ábrázolások.

Az említett horizont többi temetkezésére jellemző lócsontok hiánya a bemutatott temetkezés egyediségét hangsúlyozza. A Szubbotyici-horizont temetkezési rítusának elemei, valamint mellékleteinek jellege erős hasonlóságokat mutat mind a kusnarenkovói, mind a karajakupovói kultúrával a Dél-Urál, valamint a Volga–Urál közötti területeken, de rokon a Kárpát-medence 10. századi magyar temetkezéseivel is.

A Dnyeper alsó folyásának jobb partján elhelyezkedő Sztaraja Katyerinovka 32. kurgánjának 1. sírja azon kevés sírhoz tartozik a Fekete-tenger északi előterében, melyeket azon korai ugor-magyar törzsek helyi hagyatékának tarthatunk, akik vándorlásuk során a Dél-Urálból a Kárpát-medence területére vándoroltak a 9. század második felében. A bemutatott sírban két előkelő fegyveres férfi nyugodott (apa és fia), akik nyilvánvalóan ugyanazon harcban eshettek el. Egykori magas társadalmi helyzetüket a nemesfémekből készült különböző formájú övvereteik is megerősítik. Ugyanakkor a temetkezésben sok jel utal a szertartás kivitelezésének elsietett voltára. Láthatóan egy drámai esemény nyomaival van dolgunk, mely a korai nomád magyarok nyugatra vándorlásával kapcsolatban ment végbe.

1

2

Рис. 1. Географическое (1) и топографическое (2) положение кургана 32 у с. Старая Катериновка
1. kép. Sztaraja Katyerinovka 32. kurgán földrajzi (1) és domborzati (2) elhelyezkedése

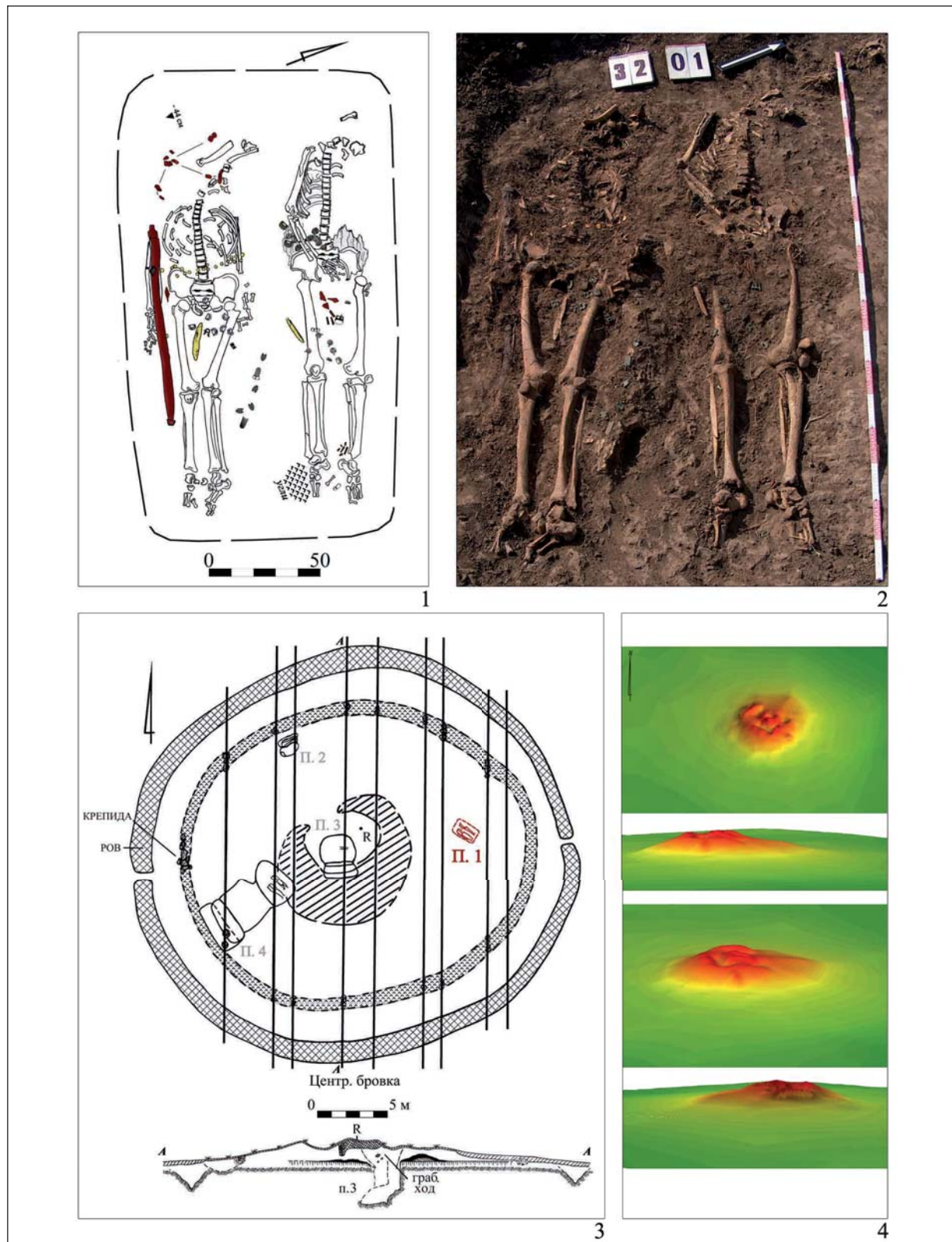

Рис. 2. Погребение 1 кургана 32 у с. Старая Катериновка. 1: План погребения 1; 2: Фото расчистки погребения 1; 3: План и западный профиль Центральной бровки кургана 32; 4: 3D-модель кургана 32

2. kép. Sztaraja Katyerinovka 32. kurgán I. sírja. 1: A sír rajza; 2: Fotó a kibontott sírről;
3: A kurgán felülnézeti rajza a metszetek helye, illetve a kurgán középső metszetének nyugati profilja;
4: A 32. kurgán 3D modellje

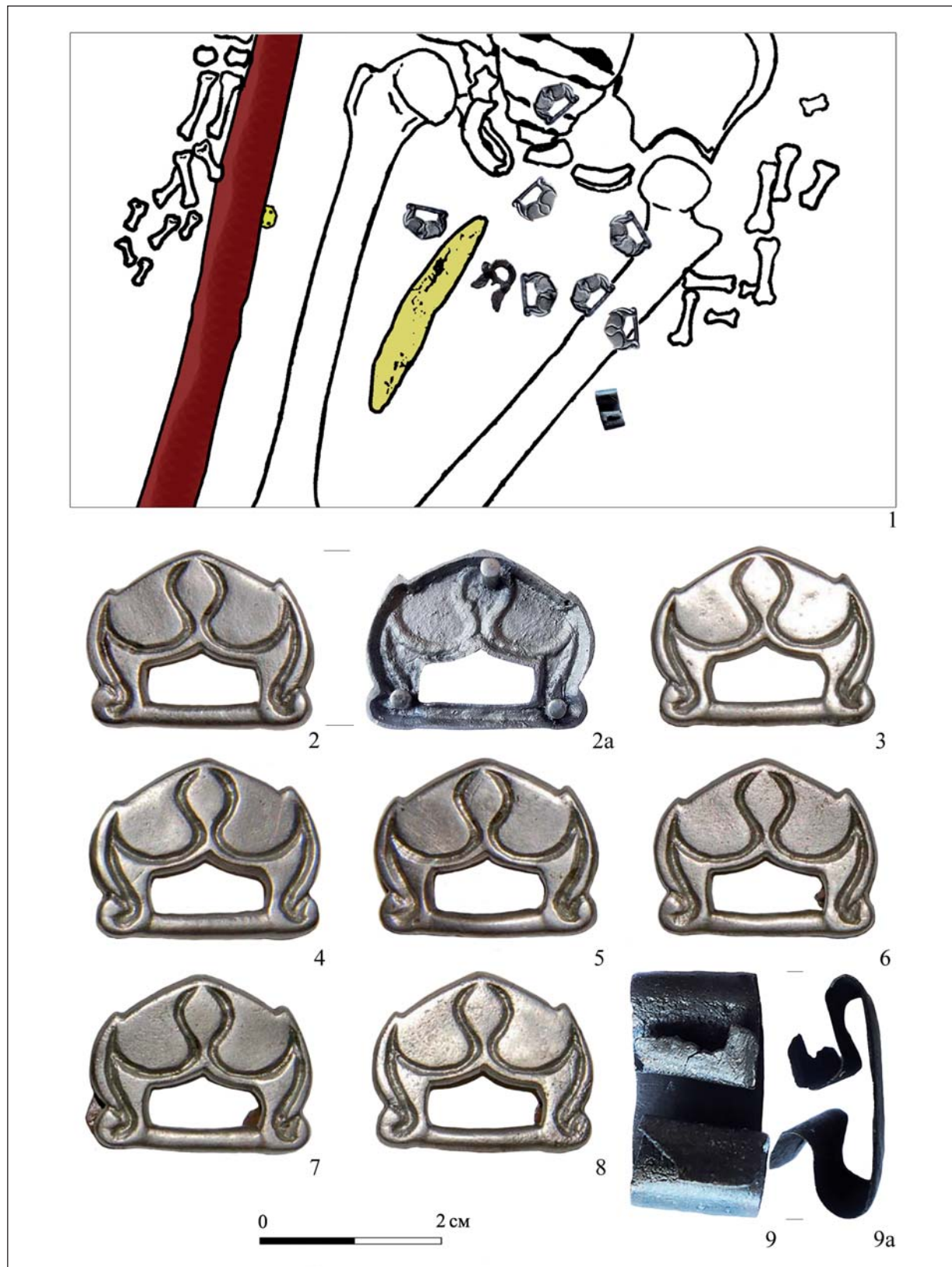

Рис. 3. «Поясной набор 2» костяка 1. 1: Расположение «поясного набора 2» на плане погребения;
2–8: Серебряные поясные бляшки; 9: Бронзовая обойма

3. kép. Az 1. váz 2. számú övveretcsoportja. 1: A 2. számú veretcsoport elhelyezkedése a sírrajz alapján;
2–8: Ezüst övveretek; 9: Bronz szíjbűjtató

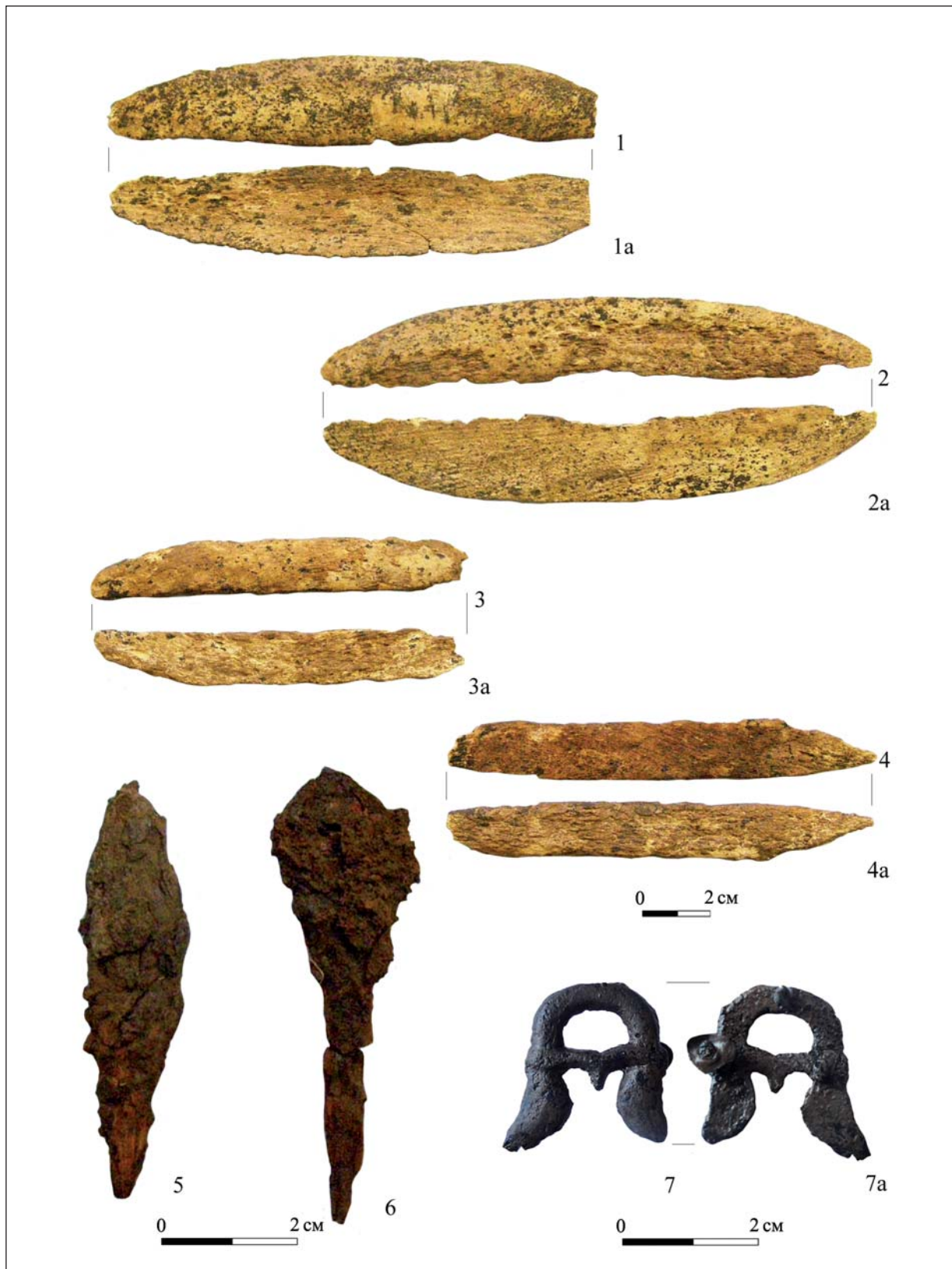

Рис. 4. Инвентарь погребения 1 кургана 32. 1–4: Костяные накладки на луки; 5: Железный нож справа от костяка 1; 6: Наконечник стрелы у таза костяка 2; 7: Бронзовая пряжка из «поясного набора» 4. kép. A 32. kurgán 1. sírjának mellékletei. 1–4: Íjcsontok; 5: Vaskés az 1. váz jobb oldalánál; 6: Nyílhegy a 2. váz medencéjénél; 7: Bronzcsat a 2. számú övkészletből

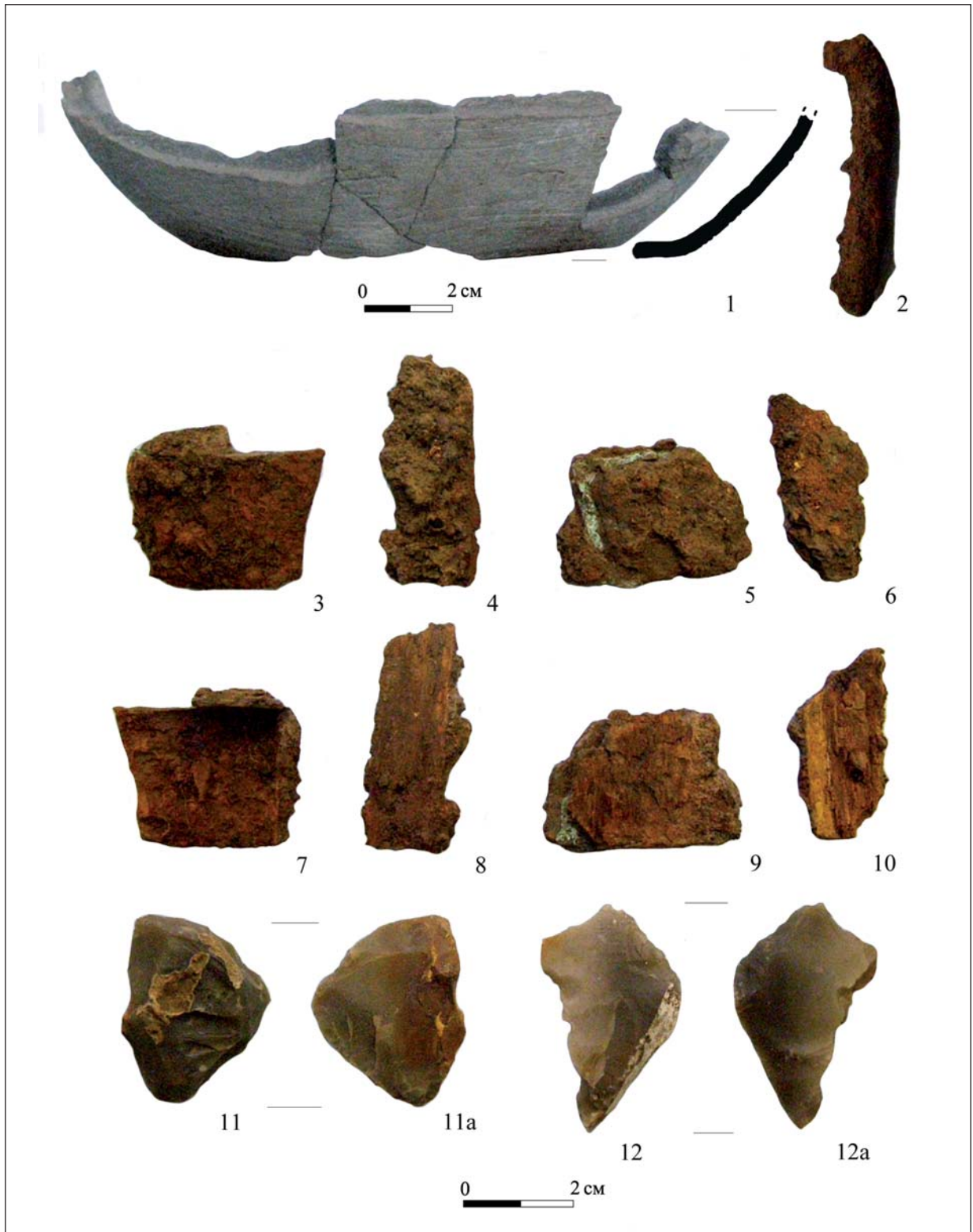

Рис. 5. Инвентарь погребения 1 кургана 32. 1: Нижняя часть гончарного сосуда, стоявшего в западной части ямы; 2: Фрагмент железного кресала справа от костяка 1; 3–4, 6–8, 10: Фрагменты эфеса рубящего оружия; 5, 9: Наконечник ножен рубящего оружия; 11–12: Кресальные кремни справа от костяка 1

5. kép. A 32. kurgán 1. sírjának mellékletei. 1: A sírgödör nyugati részén előkerült korongolt kerámia alsó részének töredéke; 2: Az 1. váz jobb oldalán előkerült csiholó; 3–4, 6–8, 10: Vágófegyver markolatának töredékei; 5, 9: Vágófegyver hüvelyének maradványai; 11–12: Az 1. váz jobb oldalán előkerült kovakő

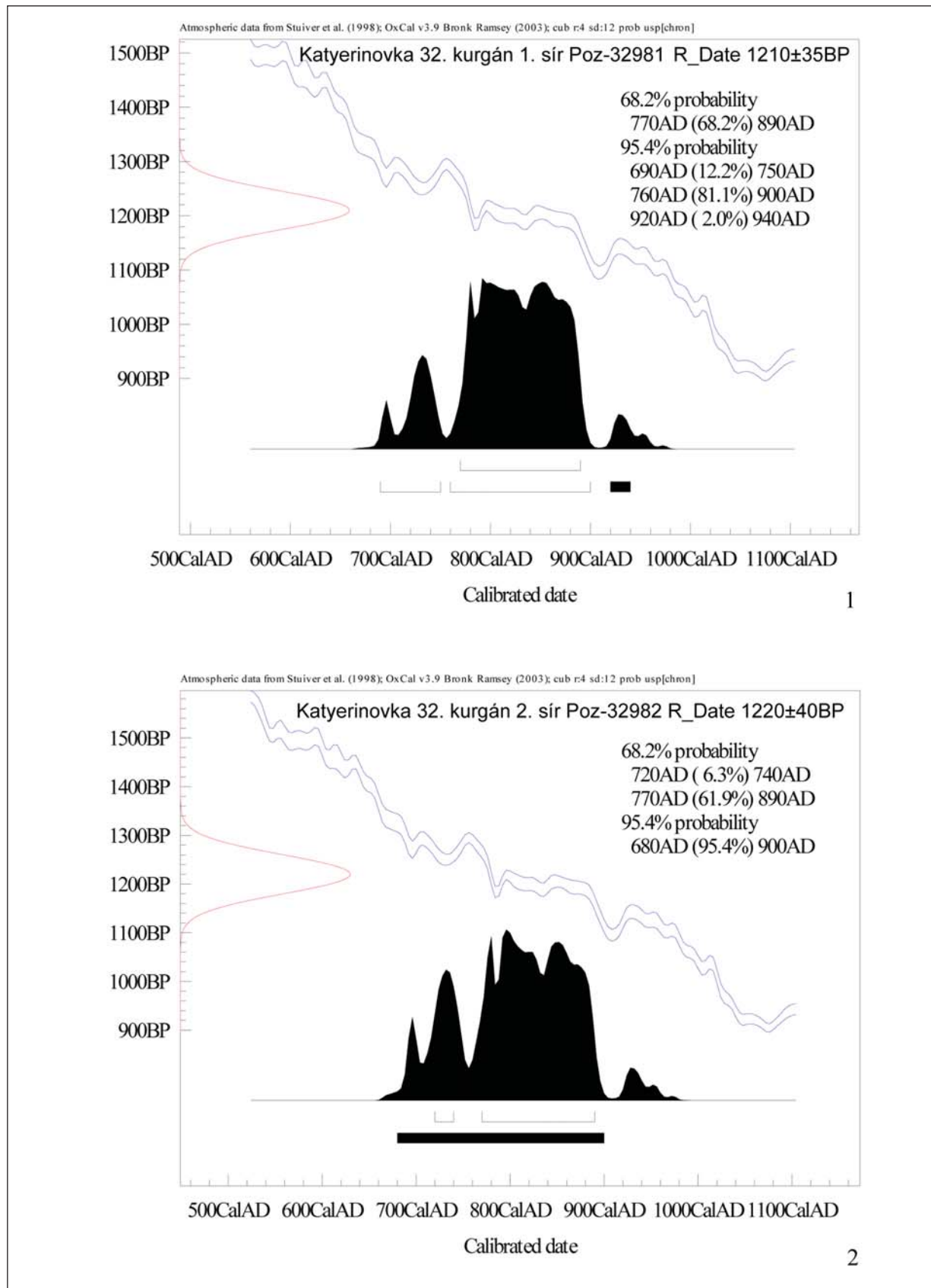

Рис. 6. Радиоуглеродное датирование погребения 1 (1) и 2 (2) кургана 32 у с. Старая Катериновка
6. kép. A Sztaraja Katyerinovka 32. kurgán 1. sír első (1) és második (2) vázának radiokarbon kormeghatározása

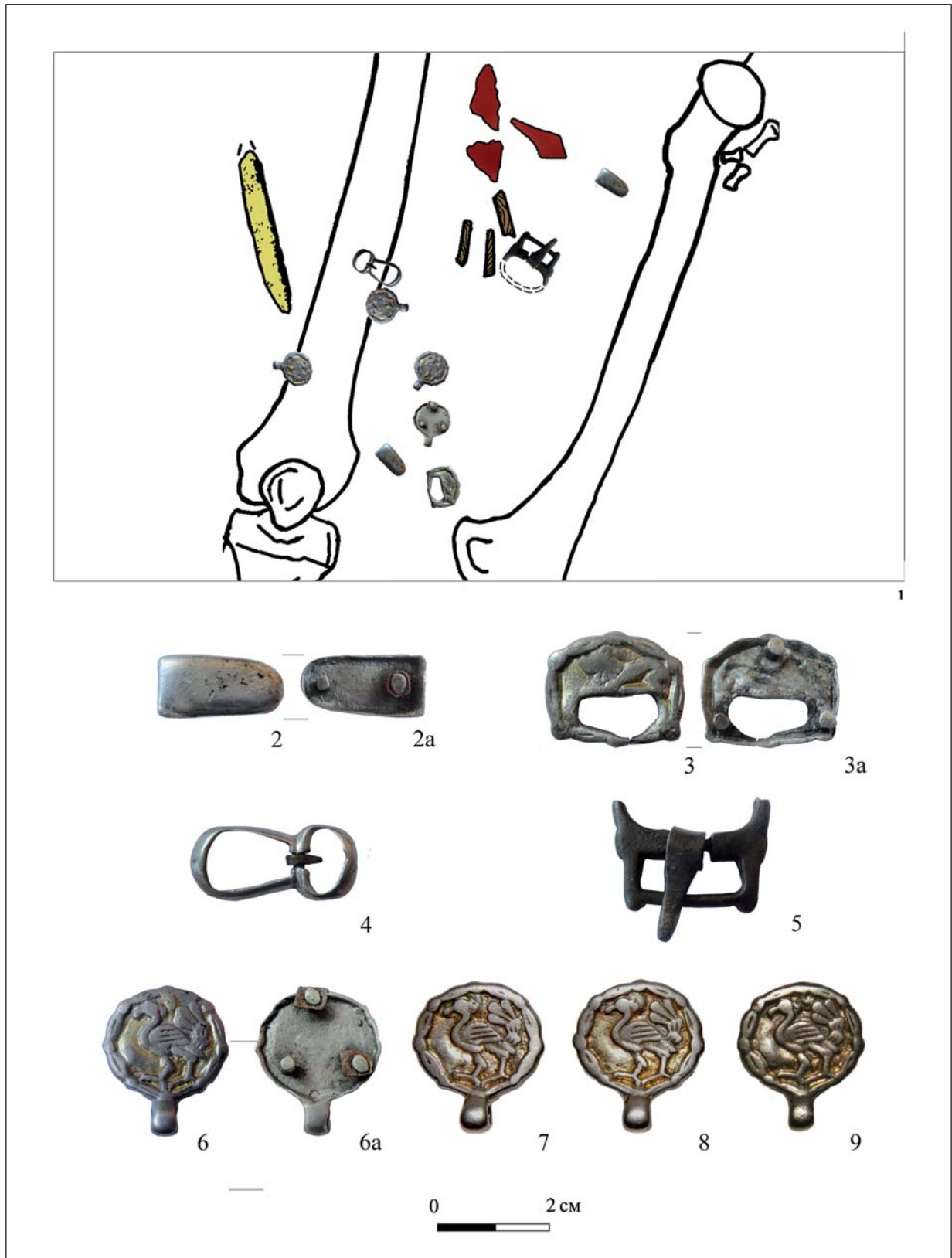

Рис. 7. «Поясной набор 5» костяка 2. 1: Расположение «поясного набора 5» на плане погребения;

2–9: Предметы «поясного набора 5»

7. kép. A 2. váz 5. számú övveretcsoportja. 1: Az 5. számú övveretcsoport vereteinek elhelyezkedése a sírrajz alapján; 2–9: Az 5. számú övveretcsoport leletei

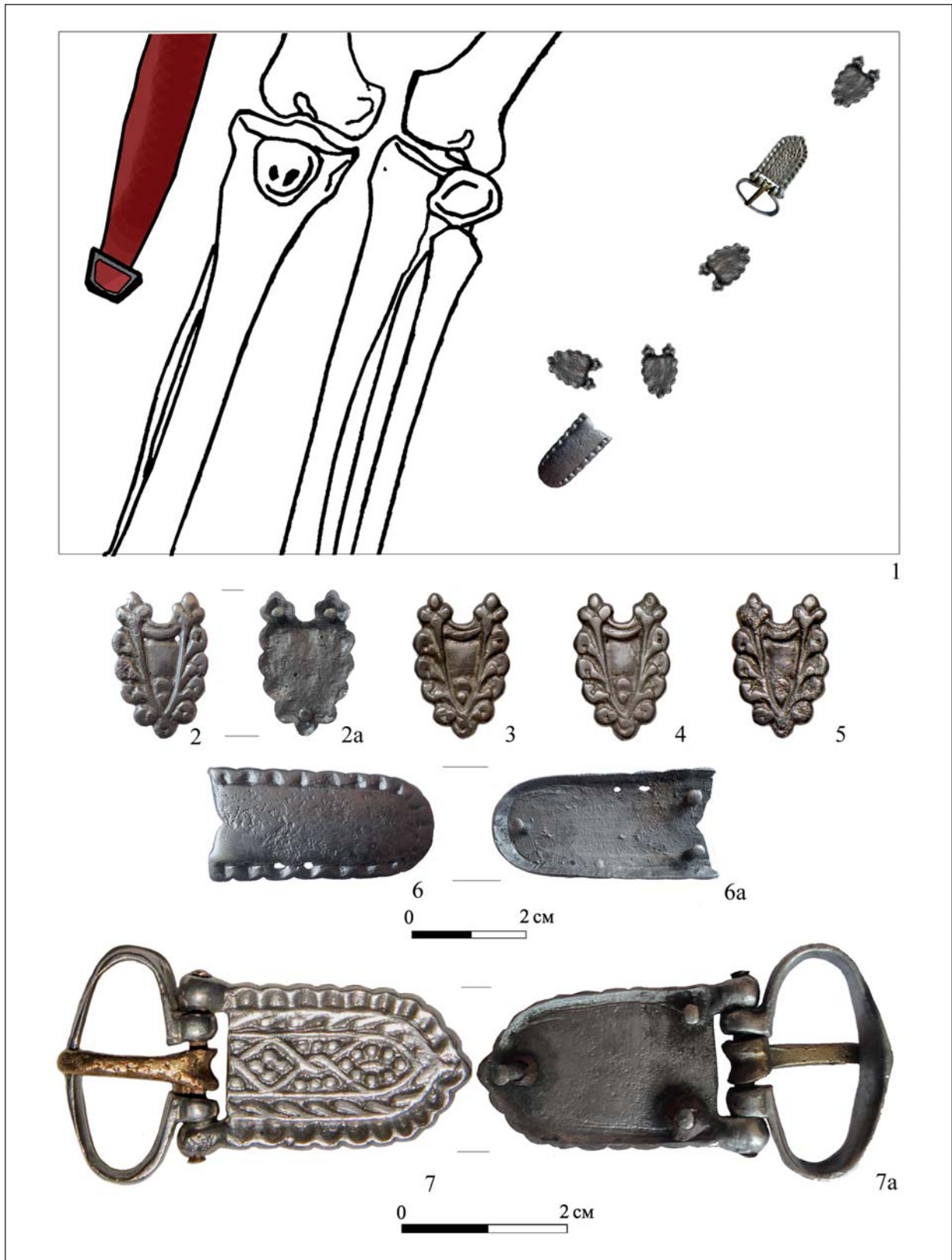

Рис. 8. «Поясной набор 3» костяка 1. 1: Расположение «поясного набора 3» на плане погребения;

2–7: Предметы «поясного набора 3»

8. kép. Az 1. váz 3. számú övveretcsoportja. 1: A 3. számú övveretcsoport vereteinek elhelyezkedése a sírrajz alapján; 2–7: A 3. számú övveretcsoport leletei

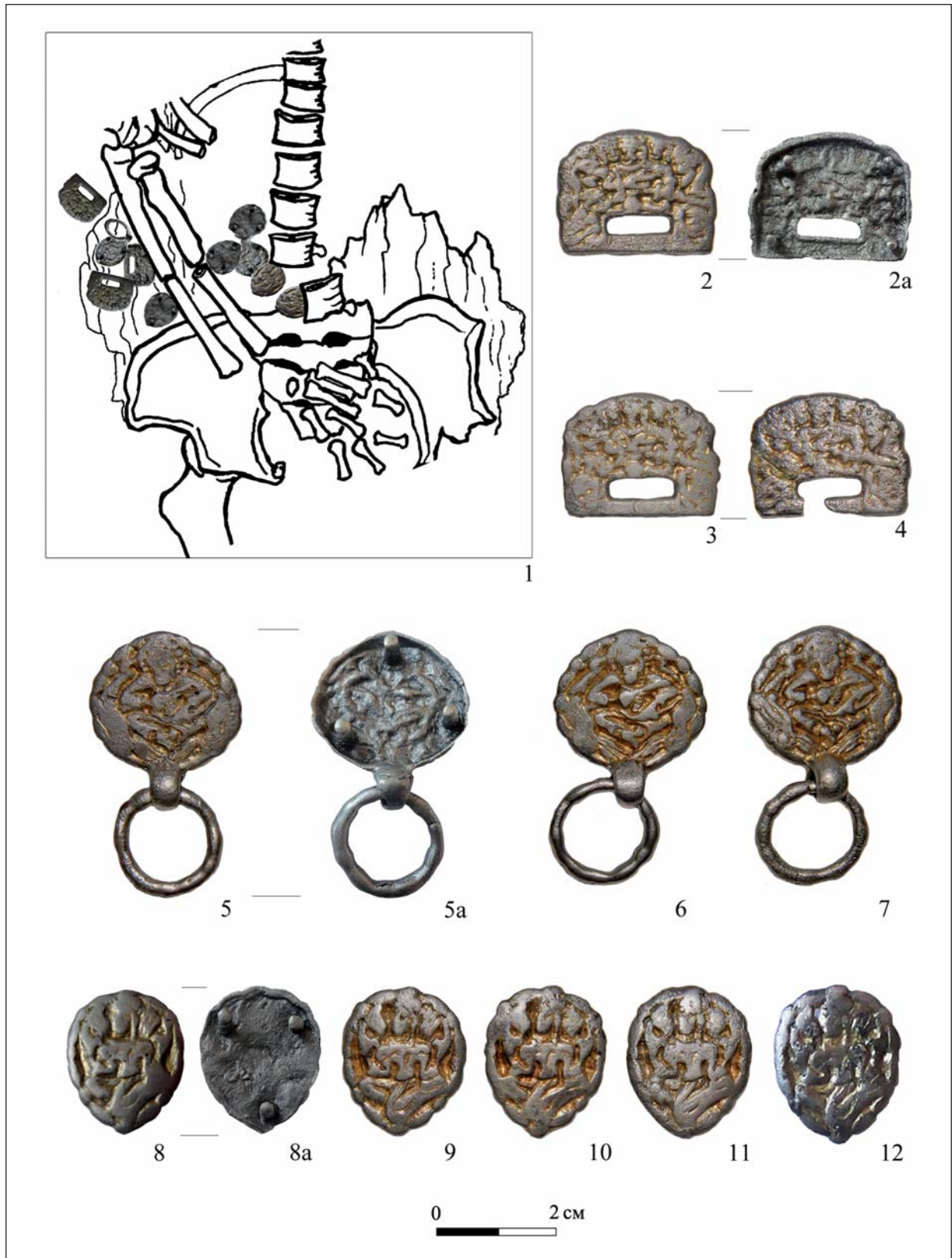

Рис. 9. «Поясной набор 4» костяка 2. 1: Расположение «поясного набора 4» на плане погребения;

2–12: Предметы «поясного набора 4»

9. kép. A 2. váz 4. számú övveretsorozatja. 1: A 4. számú övveretsorozat vereteinek elhelyezkedése a sírrajz alapján; 2–12: A 4. számú övveretsorozat leletei

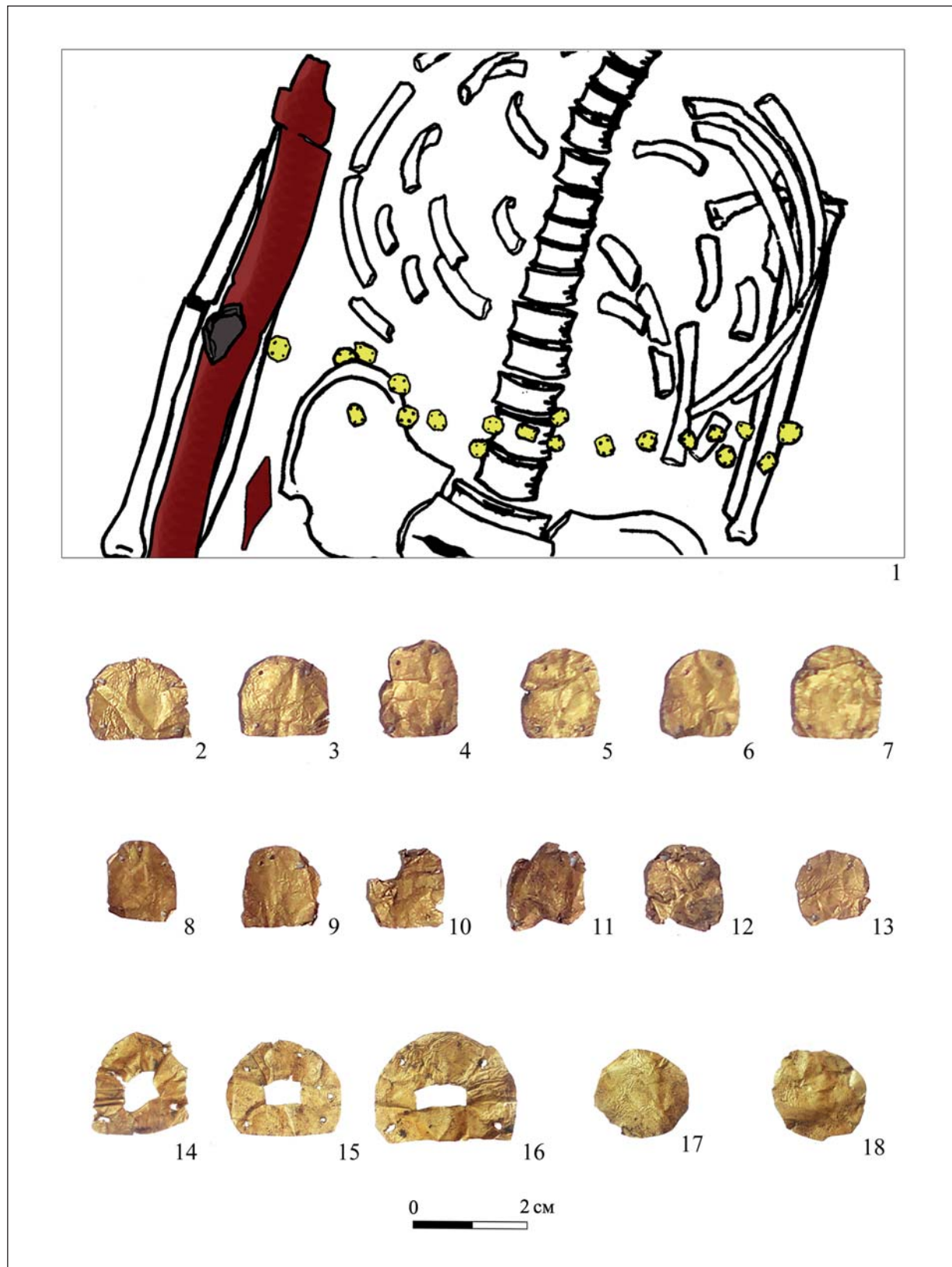

Рис. 10. «Поясной набор I» костяка 1. 1: Расположение «поясного набора I» на плане погребения; 2–18: Накладки из золотой фольги

10. kép. Az 1. váz 1. számú övveretcsoportja. 1: Az 1. számú övveretcsoport vereteinek elhelyezkedése a sírrajz alapján; 2–18: Aranyfóliából készült veretek